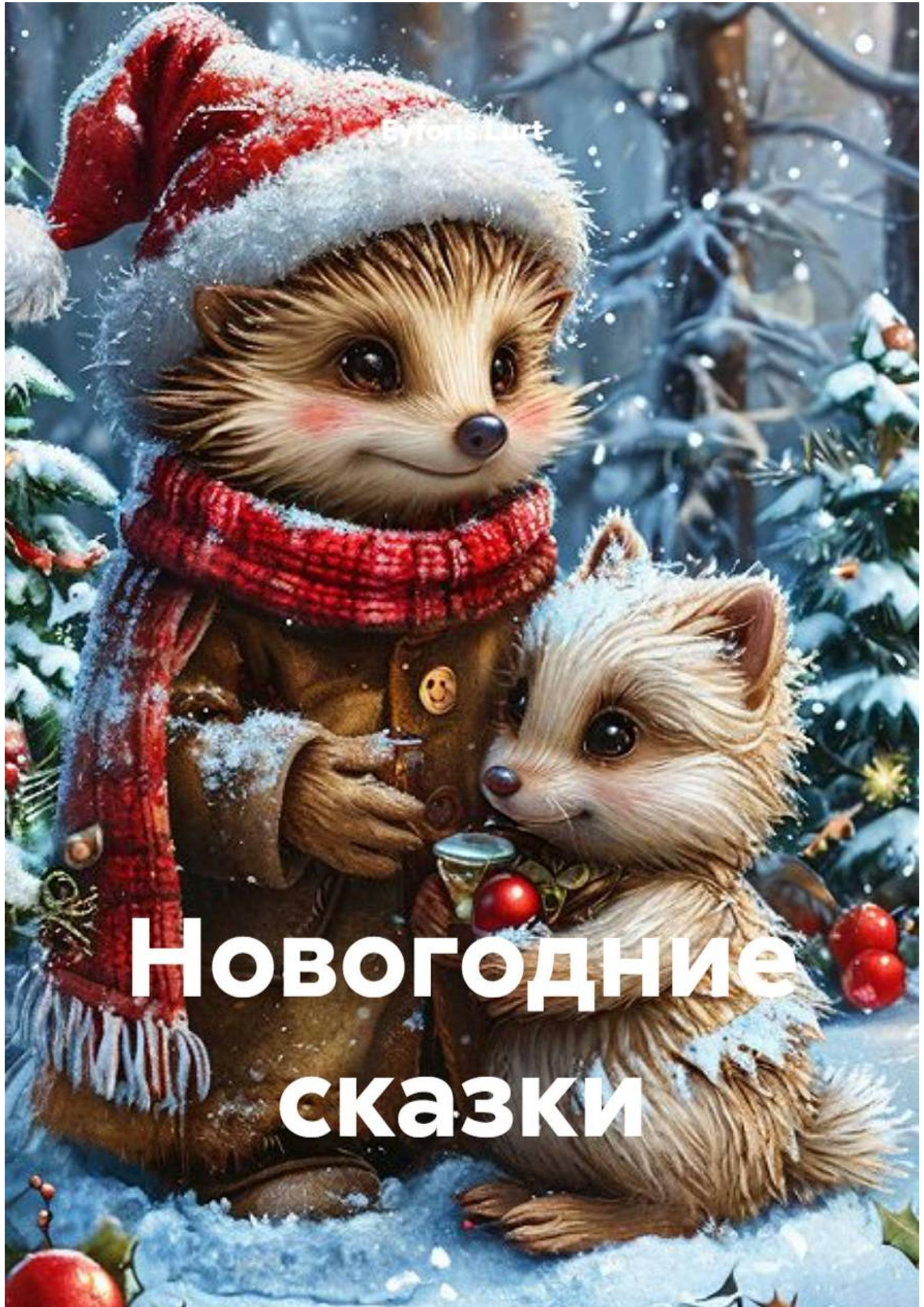

A detailed illustration of two hedgehogs in a snowy winter setting. The larger hedgehog on the left wears a red and white striped Santa hat with a pom-pom, a red knitted scarf, and a brown coat with a smiley face button. It holds a small glass of champagne. The smaller hedgehog on the right is also in winter wear, including a red scarf and a brown coat, and is holding a red berry. They are surrounded by snow-covered pine branches and red berries. The text "Новогодние сказки" is overlaid in white.

Новогодние сказки

Eyforis Lurt

Новогодние сказки

«Автор»

2026

Lurt E.

Новогодние сказки / Е. Lurt — «Автор», 2026

Новогодние сказки — это истории о чуде, которое рождается не из волшебства, а из человеческой доброты, заботы и любви. Маленький ёжик, проспавший праздник, находит тепло в объятиях друзей. Старый будильник обретает смысл, напоминая бабушке о лекарствах. Портной, получивший в подарок варежки от мальчика, возвращает добро сторицей. Заяц с ледяным сердцем отогревается, спасая птенца. Девочка Алиса понимает, что бабушкино варенье дороже айфона. Снеговики делятся пуговицами и становятся красивее. Одинокий дедушка обретает семью благодаря свету в тёмном окне. Принцессы мирятся, наматывая золотую нить. Эти сказки учат: настоящее волшебство — в способности заметить чужую боль, протянуть руку, простить и согреть теплом своего сердца. Самая большая магия — это любовь, которую мы дарим друг другу.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка о потерянной улыбке	5
Ёжик и Снежинка	11
Старый будильник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Eyforis Lurt

Новогодние сказки

Сказка о потерянной улыбке

****Часть первая. Город, в котором погасли звезды****

В одном далеком, очень далеком городе, который раскинулся на берегу холодного, но живописного залива, жила-была девочка по имени Алиса. Город этот был необычным. Его называли «Городом разноцветных крыш», потому что каждый дом здесь старались покрасить в свой особенный цвет: тут стоял розовый особняк с бирюзовыми ставнями, там — желтый дом с оранжевой черепицей, а напротив — целый квартал нежно-сиреневых коттеджей. Зимой, когда все эти крыши покрывались пушистым снегом, город становился похож на огромную коробку с леденцами, которую кто-то нечаянно рассыпал на белой скатерти.

Алисе было девять лет. У нее были большие серые глаза, которые всегда смотрели на мир с любопытством, и огненно-рыжие волосы, заплетенные в две тугие косички, кончики которых вечно норовили выскользнуть из резинок и забавно топорщились в разные стороны. Она была той девочкой, которая умела находить радость в мелочах: в хрусте свежего снега под ногами, в узорах инея на стекле, похожих на ветки папоротника, и в запахе корицы, доносившемся из кондитерской на углу.

Но в этом году, за месяц до Нового года, в городе что-то изменилось. Нет, снег по-прежнему шел хлопьями, гирлянды на главной площади зажигались ровно в пять вечера, а из труб валил вкусный дым. Что-то изменилось в самом сердце Алисы, а точнее — в сердце ее мамы.

Мама Алисы, Елена Петровна, была художницей. Она рисовала удивительные картины: зимние пейзажи, которые казались теплыми, и летние поля, от которых веяло прохладой. Но в этом году ее кисти словно замерзли. Она все чаще сидела у окна, поджав ноги и укутавшись в старый шерстяной плед, и смотрела на заснеженную улицу пустым взглядом. Ее улыбка, та самая солнечная улыбка, ради которой Алиса была готова горы свернуть, появлялась на ее лице все реже. А если и появлялась, то была какой-то грустной, натянутой, словно мама пыталась спрятать свою печаль за тонкой бумажной маской.

Алиса очень переживала. Она пробовала все, что приходило ей в голову. Каждое утро она рисовала для мамы смешных снеговиков на запотевшем окне в ванной. Она приносила ей самые красивые сосульки, которые сверкали на солнце, как бриллианты, и торжественно ставила их в кружку на подоконник. Она даже выучила трудный рецепт шоколадного печенья и, обсыпавшись мукой с головы до пят, испекла целый противень. Мама благодарила, гладила Алису по голове, целовала в макушку, но... глаза ее оставались печальными. Казалось, внутри у мамы поселилась крошечная, холодная льдинка, которую не могли растопить ни смешные рисунки, ни горячий шоколад, ни даже объятия, хотя объятия, как чувствовала Алиса, помогали чуть-чуть, но ненадолго.

Однажды вечером, когда за окном завывала вьюга, а снег барабанил в стекла, словно просясь в дом, Алиса сидела в своей комнате и перебирала новогодние игрушки. Они лежали в старой картонной коробке, пахнущей детством и мандаринами. Среди блестящих шаров и золотых шишек она нашла фотографию. На ней мама и папа были молодыми, они стояли у наряженной елки и смеялись. Папа держал маму за талию, а в глазах у обоих горел такой яркий свет, что казалось, фотография светится изнутри.

Алиса вздохнула. Папа уехал в длительную командировку за море еще летом и обещал вернуться к Новому году, но связь с ним была нерегулярной, а его возвращение откладывалось снова и снова. Девочка понимала, что именно это и есть та самая льдинка в мамином сердце.

Мама скучала. Она очень сильно скучала, и никакое печенье не могло заполнить пустоту, которую оставил за собой отъезд папы.

«Что же сделать? — думала Алиса, крутя в руках стеклянного зайчика. — Как вернуть мамину улыбку? Что такое особенное я могу ей подарить?»

Ей не нужны были новые куклы или планшет. Ей не нужны были даже новые краски для мамы, хотя те, что были, почти закончились. Она хотела одного — чтобы мама снова смеялась. Чтобы в ее глазах зажглись те самые звездочки, которые так любил папа. Чтобы по дому снова разнесся ее звонкий, как колокольчик, смех.

Алиса подошла к окну. Вьюга стихла, и город за окном застыл в серебряном молчании. Луна висела низко-низко, огромная и желтая, как головка сыра. И тут Алису осенило. Она вспомнила, что где-то далеко-далеко, за городскими окраинами, за спящим парком и замерзшей рекой, начинается Великий Заснеженный Лес. А в том лесу, как рассказывала ей бабушка, живет настоящий Дед Мороз. Не тот, что приходит в детские сады с мешком подарков, а самый настоящий, древний, мудрый волшебник, который слышит каждое желание, если оно идет от чистого сердца.

«Если кто-то и может подарить счастье, — решила Алиса, — то только он. Нужно только найти его и попросить. Попросить «немного счастья» для мамы».

Она даже не задумывалась о том, что счастье — это не пирожок, который можно завернуть в салфетку и положить в карман. Она была ребенком, а в детстве все мечты кажутся простыми и осуществимыми.

****Часть вторая. Дорога в Заснеженный Лес****

Сказано — сделано. Не говоря ни слова маме, которая уже легла спать с книгой в руках, Алиса тихонько оделась. Она надела свой самый теплый пуховик ярко-синего цвета, шерстяную шапку с помпоном, который вечно съезжал набок, и варежки, связанные бабушкой. На ноги она натянула высокие меховые сапожки, в которых было тепло даже в самые лютые морозы.

Прихватив с собой маленький рюкзачок, в который она положила бутерброд с сыром и термос с горячим чаем, Алиса бесшумно приоткрыла входную дверь и выскользнула в ночь.

Морозный воздух обжег ее щеки, но не больно, а приятно, бодряще. Снег под ногами звонко хрустел, словно миллионы маленьких стекляшек. Город спал. Только кое-где горели окна, похожие на теплые желтые квадратики, да фонари отбрасывали на сугробы синие, таинственные тени.

Алиса шла по знакомым улицам, но в ночном освещении они казались незнакомыми и сказочными. Заборы покрылись толстым слоем инея и выглядели как кружевные. Деревья стояли в белых пубках, словно важные вельможи. Девочка шла и шла, пока разноцветные домики не остались позади, а перед ней не распахнулась черная, безмолвная гладь замерзшей реки.

Перейти через реку оказалось легко — лед был толстым и крепким, лишь слегка поскрипывал под ногами. С другой стороны реки начинался лес. И вот тут-то Алиса и почувствовала себя по-настоящему маленькой. Лес стоял стеной. Огромные ели, словно заговорщики, склонили свои пушистые лапы, закрывая небо. Ветви их тяжело свисали под тяжестью снега, и казалось, что вот-вот они обрушат на голову путника целые лавины белой пыли.

Но Алиса была храброй девочкой. Она глубоко вздохнула и шагнула вперед, на едва заметную тропинку, что вилась между деревьями.

В лесу было темно, но снег отражал лунный свет, и это создавало странное серебристое свечение, которое позволяло различать дорогу. Тишина стояла оглушительная. Ее нарушал только скрип снега под сапожками Алисы да редкий треск веток, которые лопались от мороза.

— Дедушка Мороз! — тихо позвала Алиса, и ее голос прозвучал неестественно громко в лесной тишине. Ей показалось, что она разбудила весь лес. Эхо пробежало между стволами и затихло где-то в глубине.

Никто не ответил.

Алиса пошла дальше. Она шла долго. Бутерброд в рюкзаке остыл и превратился в обычный хлеб с маслом, чай в термосе тоже остыл, но Алиса не останавливалась. Она шла, потому что знала: нужно идти до тех пор, пока не дойдешь. Вдруг ей показалось, что впереди кто-то есть. Она увидела мелькнувшую между деревьями тень. Это мог быть волк. Или медведь, который проснулся среди зимы. Или... кто-то другой.

Сердце Алисы бешено забилося. Она остановилась, прислушиваясь. Тень приближалась. Через мгновение из-за сосны показалась пушистая белая голова с черными хитрыми глазками и розовым носом. Это была лисичка. Самая настоящая, не ручная. Она остановилась в паре метров от Алисы, склонила голову набок и с любопытством уставилась на девочку.

— Ты кто? — спросила лиса человеческим голосом, и от неожиданности Алиса чуть не упала в сугроб.

— Я... я Алиса, — пробормотала девочка. — Я ищу Деда Мороза.

— А зачем он тебе? — лиса присела на хвост и начала умыться лапкой, словно это было самое обычное дело — вести беседу посреди ночного леса.

— Мне нужно... счастье, — выдохнула Алиса, чувствуя, как от волнения и холода ее губы начинают дрожать. — Для мамы. Очень нужно. Прямо сейчас.

Лиса хитро прищурилась.

— Дед Мороз не просто так дает счастье, — произнесла она с укоризной. — Он проверяет, кто его просит. Хорошая ли ты девочка?

— Я стараюсь! — горячо воскликнула Алиса. — Я помогаю маме, я убираюсь, я не спорю по пустякам, я... я очень хочу, чтобы она улыбалась.

Лиса почесала лапкой за ухом, затем поднялась и вильнула хвостом.

— Ступай за мной, — сказала она. — Только не отставай. В лесу много троп, но только одна ведет к его дому.

Она двинулась легкой, танцующей походкой. Снег под ее лапами, казалось, даже не продавливался. Алиса поспешила за ней. Она бежала, спотыкаясь о корни, проваливаясь в сугробы по колено, но не отставала. Лес становился все гуще, деревья — все выше. Ветки цеплялись за ее шапку, сбрасывая на лицо холодную снежную пыль.

Наконец, лиса остановилась на краю небольшой поляны.

— Смотри, — шепнула она, кивнув мордой вперед.

Алиса перевела дух и выглянула из-за ели. Сердце ее радостно забилося. Посреди поляны стоял огромный дом, похожий на сказочный терем. Резные наличники украшали окна, свет в которых горел таким теплым, ласковым светом, что становилось ясно — снаружи ужасный холод. На крыше сидела огромная сова и лениво хлопала глазами. Дым из трубы поднимался вверх ровным столбом. А на крыльце, разбрасывая снег огромными валенками, стоял Он. Дедушка Мороз. Белая борода до пояса, красный тулуп, расшитый серебряными звездами, и добрые-предобрые глаза, которые смотрели на Алису так, словно он знал ее всю жизнь.

— Заходи, раз пришла, — сказал он басовитым, но мягким голосом, и гостеприимно распахнул перед ней тяжелую дубовую дверь.

****Часть третья. Разговор с волшебником****

Внутри дома было тепло и уютно. Горел камин, в котором весело потрескивали березовые поленья. Пахло хвоей, смолой и чем-то сладким, похожим на медовые пряники. Стены были увешаны старыми картинами, на которых были нарисованы леса, города и какие-то невиданные звери. В углу стояла огромная, до потолка, елка, украшенная старинными игрушками: стеклянными ангелами, серебряными колокольчиками и деревянными шишками.

Дед Мороз усадил Алису в мягкое кресло, сам сел напротив и, достав из воздуха серебряный чайник, налил ей в кружку горячий чай с мятой.

— Ну, рассказывай, — сказал он, с интересом глядя на девочку. — С какой бедой пожаловала?

Алиса, чувствуя, что ком в горле мешает ей говорить, собралась с духом и выложила все как есть. Она рассказала про маму, про ее грустные глаза, про папу, который задержался за морем, и про то, как она мечтает, чтобы мама снова улыбалась.

— ...И я хочу попросить у вас, Дедушка Мороз, — закончила свой рассказ Алиса, — немножко счастья. Для мамы. Пожалуйста. Мне много не надо. Совсем капельку. Просто чтобы она улыбнулась.

Дед Мороз задумчиво погладил свою длинную бороду. Он не смеялся над ее словами и не говорил, что это глупости. Он смотрел на нее очень серьезно.

— Понимаешь, Алисушка, — сказал он наконец. — Счастье — материя тонкая. Его нельзя просто насыпать в мешок и вручить как подарок. Оно не в золоте и не в сладостях. Оно живет внутри человека. А заставить внутри загореться свет можно только теплом. Таким теплом, которое идет от другого сердца.

Он встал, прошел к большому дубовому сундуку, украшенному резьбой, и долго там копался. Наконец, он выпрямился и в руках у него оказался небольшой, старинный, на вид совсем обычный фонарь. Он был сделан из кованого железа и матового стекла, а внутри него не было ни свечи, ни лампочки. Только маленькая, крошечная льдинка, похожая на застывшую слезу, висела в центре на серебряной нити.

— Вот, — сказал Дед Мороз, протягивая фонарик Алисе. — Этот фонарь — заснеженный. В нем застыло эхо зимней песни.

— Но как он мне поможет? — удивилась Алиса, разглядывая пустой фонарь. — Он же не горит.

— Он загорится тогда, — таинственно произнес волшебник, — когда ты сделаешь то, что велит тебе твое сердце. Когда ты отдашь маме то, что она больше всего хочет получить. Отдашь не как обычный подарок, а как частичку своей души. Тогда он зажжется.

— То есть мне нужно просто обнять маму и сказать, что я ее люблю? — переспросила Алиса. — Я и так это часто делаю!

— Нет, — покачал головой Дед Мороз. — Это не просто слова. Это должно быть то, что растопит именно ее печаль. Ты поймешь, что это, когда окажешься рядом. А теперь ступай. Темнеет. Лиса проводит тебя до города.

Он бережно вложил холодный фонарик в руки Алисы. Металл обжег ладони холодом, но девочка не обратила на это внимания. Она была полна решимости. Поблагодарив Деда Мороза, она выбежала из теплого дома обратно в морозную ночь. Лиса уже ждала ее у крыльца. Дорога назад показалась короче. Алиса почти бежала, сжимая фонарь в варежках, и волшебная лисица не отставала, лишь иногда подбадривая ее тихим лаем.

Город встретил ее первыми серыми проблесками рассвета. Фонари уже гасли, и небо на востоке начинало розоветь. Алиса подбежала к своему дому, бесшумно проскользнула в калитку, поднялась на крыльцо.

Но когда она взялась за ручку двери, рука ее замерла. Она услышала странный звук. Из-за двери доносился тихий, приглушенный плач. Мама плакала.

Алиса замерла, прижав фонарик к груди. Ей стало страшно. Что делать? Она думала, что принесет счастье, а здесь — слезы. Она тихонько приоткрыла дверь и вошла.

В прихожей было темно. Свет горел только в комнате мамы. Алиса разулась и на цыпочках подошла к комнате. Она заглянула внутрь. Мама сидела на кровати, сжимая в руках телефон. На экране было какое-то сообщение, и мама смотрела на него, и слезы градом катились

по ее щекам. Но... это были не слезы горя. Это были слезы облегчения. На лице мамы, сквозь мокрые дорожки, сияла улыбка. Слабая, еще дрожащая, но счастливая.

— Алиса! — воскликнула мама, увидев дочку. — Алиса, милая! Иди сюда! Ты не поверишь! Папа написал! Он приезжает! Прямо сегодня вечером! Его рейс перенесли, он уже в пути!

Мама протянула к Алисе руки. И в этот момент внутри холодного, заснеженного фонаря, который Алиса все еще сжимала, что-то произошло. Она увидела, как льдинка внутри начала таять. Капля упала на дно фонаря и... зажглась. Оттуда полился теплый, золотистый свет. Он разливался по комнате, касаясь стен, потолка, лиц. Свет был не просто светом — он был живым. Вместе с ним по дому поплыл запах. Сладкий, терпкий, солнечный. Запах мандаринов, который всегда означал приближение Нового года и самое настоящее детское счастье.

Алиса, не раздумывая, бросилась к маме, крепко-крепко обняла ее и прижалась всем телом. Фонарик в ее руке продолжал светить, заливая комнату янтарным сиянием, смешиваясь с лучами утреннего солнца, которые уже пробивались в окно.

— Мама, — прошептала Алиса, и голос ее дрожал от счастья, — ты улыбаешься. Ты улыбаешься по-настоящему! Я так хотела, чтобы ты улыбалась!

Мама обняла ее в ответ, прижала к себе и засмеялась. Она смеялась и плакала одновременно.

— Алисочка, — прошептала она, — ты же ходила к Деду Морозу? Я все слышала, как ты выходила. Я волновалась, но... я чувствовала, что должна тебя отпустить. Глупая ты моя, глупая... — она поцеловала ее в макушку. — Ведь это ты, только ты принесла мне счастье. Не фонарик. Не ледяная песня. А ты. Твоя забота. Твое желание. Твое горячее сердце.

Они сидели так, обнявшись, на кровати. Золотистый свет фонаря померк, превратившись в обычный свет маленькой лампы, которая лежала теперь на одеяле. А запах мандаринов не исчезал. Он смешался с запахом утреннего кофе, который мама начала варить к завтраку. За окном поднималось солнце, снег сиял мириадами бриллиантов, и весь мир казался огромным, светлым и прекрасным.

****Часть четвертая. Разгадка волшебства****

Вечером, когда за окнами снова зажглись гирлянды, и в дверь позвонили, Алиса поняла, что это он. Папа. Стоял на пороге, заросший щетиной, уставший после долгой дороги, с большим чемоданом в одной руке и огромным плюшевым мишкой — в другой. Он обнял сначала маму, потом подхватил Алису и закружил по коридору.

— Мои хорошие! — повторял он. — Как же я скучал!

И мама смеялась. Громко, заливисто, так, как не смеялась уже целую вечность. У нее на глазах снова выступили слезы, но теперь это были только слезы радости.

Только тогда, сидя за праздничным столом, который мама накрыла в мгновение ока, Алиса поняла, что сказал ей Дед Мороз. Он говорил о тепле. Он говорил о том, что счастье нужно не искать в лесах, а создавать своими руками и сердцем. Фонарик был просто напоминанием. Маленьким, ледяным обещанием, которое зажглось не от магии, а от той любви, которую Алиса чувствовала к маме. Счастье, подаренное Дедом Морозом, проявилось в тот миг, когда Алиса обняла маму, увидев ее слезы радости.

Она заснула этой ночью с мыслью о том, что самое сильное волшебство находится не в заснеженных фонариках и даже не в мешках с подарками. Оно в наших руках, когда мы дарим тепло тому, кто в нем нуждается. Оно в простом «Я люблю тебя». Оно в объятиях, которые лечат лучше любого лекарства.

А фонарик Алиса поставила на подоконник в своей комнате. Теперь, когда его льдинка растаяла, он перестал быть волшебным. Но в нем жила история. История о том, как одна маленькая девочка отправилась в зимний лес, чтобы спасти улыбку своей мамы, и спасла ее, потому что у нее было самое главное оружие — любовь.

И каждый раз, когда Алиса смотрела на этот старый кованый фонарь, она вспоминала запах мандаринов, который они с мамой доедали за новогодним ужином, счастливый папин смех и ту самую, первую настоящую улыбку мамы, которая вернулась в их дом, чтобы остаться в нем навсегда.

Новый год в тот год выдался самым лучшим. За окном трещали морозы, а в доме было тепло. В прямом и переносном смысле. И хотя на улице лежал снег, в душе у каждого из них цвела весна. Потому что нашли друг друга. И поняли, что никакие расстояния, никакие разлуки не страшны, если ваши сердца бьются в унисон, согревая друг друга, как самый добрый, самый яркий, самый настоящий огонь, на который не нужны ни свечи, ни бенгальские огни.

Вот и вся сказка. Маленькая, но очень важная. О том, что чудеса случаются, но только когда в них верят и когда их ждут. И конечно, когда их создают. Не волшебной палочкой, не заклинанием, а теплом собственного сердца.

С Новым годом, Алиса. И пусть в твоём доме всегда будет тепло.

Ёжик и Снежинка

****Часть первая. Сон, который длился слишком долго****

В самом сердце большого старого леса, где вековые сосны упирались макушками в низкие облака, а тропинки петляли между замшелыми пнями, жил-был маленький Ёжик. Он был не просто ёжиком, а самым забавным и любознательным ёжиком во всей округе. У него были блестящие чёрные глазки-бусинки, которые всегда смотрели на мир с неподдельным интересом, маленький влажный носик, который вечно что-то вынюхивал в опавшей листве, и, конечно же, колючая шубка, которая делала его похожим на маленький живой каштан, перекатывающийся по лесной подстилке.

Домик Ёжика располагался под корнями старого дуба. Это был уютный дом: земляной пол был устлан сухими листьями и мхом, из стен торчали маленькие полочки, на которых хранились запасы — сушёные грибы, ягоды и корешки. В углу стояла маленькая кроватка, которую Ёжик сам смастерил из бересты и пуха, собранного по всему лесу. Это было самое лучшее место на свете, особенно когда за окнами завывала вьюга и снежинки бились в стеклянные иллюминаторы, которые Ёжик тоже смастерил из прозрачных капель смолы.

Осень в тот год выдалась тёплой и щедрой. Ёжик так усердно готовился к зиме, так много носил на своих иголках вкусных вещей, что к концу октября чувствовал себя самым счастливым зверьком в лесу. Он натаскал полную кладовку грибов, заготовил целую горку сладких яблок и даже нашёл несколько вкусных червячков, которые высушил про запас. Но самое главное, что он сделал — он нашёл много-много сухих листьев и перетаскал их в свою спальню, чтобы построить себе большое тёплое гнездо для зимней спячки.

Ёжик очень любил спать. Это было его любимое занятие, сразу после собирательства грибов. Он мог свернуться в колючий клубочек, уткнуться носиком в собственный животик и проспать целые сутки, видя во сне бесконечные поляны с грибами и реки из яблочного сока. И вот, когда первые лёгкие заморозки сковали лужицы утром тонким ледком, Ёжик понял, что пришло время. Он съел свой последний осенний ужин — большой сочный гриб, запил его каплей росы, которая сохранилась в кувшинке, и, сладко зевнув, заполз в своё уютное гнездо.

— Ну всё, — прошептал он, сворачиваясь калачиком. — До весны, дорогой лес. Сладких мне снов.

Он зарылся поглубже в листья, поправил моховое одеялко и закрыл глаза. И в тот же миг мир вокруг него погрузился в тёплую, уютную тьму. Сначала ему снились летние луга, полные цветов, потом ему снилось, как он гоняется за бабочкой, а потом сны стали тихими и спокойными — просто тёплая, пушистая дремота, в которой не было ни звуков, ни красок, только счастье покоя.

Но вот незадача. Пока Ёжик сладко спал, за окном его домика произошло нечто невероятное. Лес, который он видел перед сном золотым и багряным, превратился в белое королевство. С неба посыпались миллиарды маленьких звёздочек-снежинок. Они ложились на ветки деревьев, создавая причудливые наросты. Они укрывали землю пушистым одеялом, скрывая все старые следы и тропинки. Наступила зима. А следом за зимой в лес пришёл самый весёлый и долгожданный праздник — Новый год.

Обычно Ёжик всегда просыпался на Новый год. В прошлые зимы он каким-то чудом выныривал из своей спячки именно в ночь, когда лесные звери собирались вокруг большой ели и водили хороводы. Но в этот раз что-то пошло не так. Может быть, он слишком устал за осень. Может быть, его гнездо было слишком тёплым и уютным. А может быть, он просто очень крепко спал. Так или иначе, но Ёжик проспал.

Он проспал, как падают первые снежинки. Он проспал, как Заяц и Белочка наряжали лесную красавицу-ель. Он проспал, как Лиса и Волк помирились на праздничной поляне и

вместе пили чай из еловых шишек. Он проспал самый главный момент — бой курантов, который в лесу всегда отсчитывали старые мудрые Вороны, сидящие на самой высокой сосне. Он проспал встречу Нового года.

****Часть вторая. Пробуждение и первое разочарование****

Проснулся Ёжик не от холода и не от голода. Проснулся он от странного, приятного запаха, который просочился сквозь земляные стены его домика. Это был запах... мандаринов? Или хвои? Или сладкого печенья, которое пекли где-то совсем рядом? Он вздрогнул, открыл глаза и увидел, что в его домике стало как-то светлее. Сквозь стену из листьев пробивался какой-то необычный, сияющий свет. Ёжик выбрался из гнезда, отряхнул с иголок сухой лист, зевнул, широко раскрыв свой маленький ротик, и подошёл к своему окошку.

То, что он увидел, заставило его замереть от изумления. Мир за окном больше не был привычным лесом. Весь лес был белым-бело. Каждая веточка, каждый кустик, даже старый пенёк, который стоял прямо напротив его дома, был покрыт толстым слоем сверкающего снега. Солнце, которое было бледным и низким, играло в снежинках так, что они вспыхивали как маленькие бриллианты. Это было невероятно красиво. Но красота эта вызвала у Ёжика не радость, а сначала недоумение, а потом и ужас.

— Ой! — воскликнул он. — Ой-ой-ой!

Он заметался по своему маленькому домику.

— Что же это такое?! Неужели я проспал?! Неужели уже зима?! А как же Новый год?! А как же ёлка?! А как же праздник?!

Ёжик выбежал на порог своего дома. Снег был глубоким. Он провалился в него почти по самые иголки и почувствовал, как холод начинает проникать сквозь его шубку. Он никогда раньше не выходил зимой. Он всегда спал. И сейчас, стоя посреди этого белого великолепия, он почувствовал себя невероятно одиноким и несчастным.

— Я всё проспал, — прошептал он, и из его глаз покатались крупные, как горошины, слёзы. — Я готовился, я так старался... Я хотел встретить Новый год с друзьями. Я хотел загадать желание. А теперь всё прошло. И я даже не знаю, какой сейчас день. Наверное, уже февраль!

Он ещё немного постоял, дрожа от холода и от обиды, а потом побрёл обратно в свой дом. Там было тепло, но на душе у него было холодно. Он забрался в своё гнёздышко и натянул на себя все листья, которые только нашёл. Но даже они не могли его согреть. Ему было грустно, очень грустно.

— И зачем я только родился таким соней? — корил он себя. — Все звери веселятся, а я сижу тут один. И даже не с кем разделить радость. И у меня нет даже тёплого шарфика, чтобы выйти и посмотреть на настоящую зимнюю сказку. Ну почему я не проснулся вовремя?

Его мысли, горькие и колющие, поднимались из его маленького домика вверх. Они были такими сильными и печальными, что пронзили толщу снега и достигли самого неба. А на небе, как раз в этот момент, кружилась одна очень особенная Снежинка.

****Часть третья. Снежинка, которая умела слушать****

Эта Снежинка была не простой. Она была самой старшей и мудрой в своём облаке. У неё было идеально симметричное тело с шестью лучами, которые искрились и переливались на свету. Она видела всё, что происходит в лесу, она знала каждого зверька в лицо, и она очень любила зиму. Но больше всего на свете она любила слушать. Она слышала, как ворчат сойки на ветках, как скрипит под лапами зайца снег, и как иногда — хотя такое случалось редко — плачут маленькие лесные жители.

И вот, когда она плавно кружилась в танце, спускаясь всё ниже и ниже к земле, она услышала чей-то тихий, дрожащий голос. Голос был полон такой боли и одиночества, что даже у Снежинки, которая никогда не мерзла, по спине пробежал холодок.

— Грустно мне, — шептал голос. — Не с кем мне праздник встречать. И шарфика нет... и никто не придёт...

— Странно, — подумала Снежинка, приостановив свой полёт. — Кто же это так горюет в такой прекрасный зимний день? Это же Новый год! Время чудес и радости! Надо обязательно помочь!

Она спустилась ниже и заглянула в маленькое окошко под корнями дуба. Там, на кровати из листьев, сидел маленький, нахохленный Ёжик. Его иголки печально поникли, носик был красным от слёз, а в глазах стояла такая тоска, что Снежинке стало не по себе.

— Бедный малыш, — прошептала она. — Он проспал праздник. И теперь ему кажется, что весь мир против него. Но так нельзя. В Новый год никто не должен грустить.

Снежинка была не только мудрой, но и очень решительной. Она знала, что в одиночку она не справится — одна маленькая снежинка не сможет согреть ёжика или развеселить его. Но она знала, что у неё есть подруги. Тысячи, миллионы подруг, которые тоже кружатся в этом танце и которые готовы прийти на помощь по первому зову.

— Эй! — воскликнула Снежинка, поднимаясь повыше и сверкая своими гранями. — Эй, сёстры! Летите сюда! У нас важное дело!

И в тот же миг со всех сторон начали слетаться её подруги. Они кружились вихрем, перебиваясь всеми оттенками белого и серебряного. Они опускались на ветки, на траву и, слушая старшую сестру, согласно кивали.

— Посмотрите туда, — сказала Снежинка, указывая на домик Ёжика. — Там живёт маленький зверёк. Он очень расстроен. Он проспал все праздники, ему холодно и одиноко. Мы должны его согреть. Мы должны подарить ему праздник!

— Но как мы можем его согреть? — удивилась одна маленькая Снежинка. — Мы же холодные. От нас только холод.

— Нет, — возразила старшая Снежинка. — Мы не просто холод. Мы — укрытие. Мы — одеяло. Если мы ляжем на его домик плотно-плотно, мы создадим защитный слой, который не пропустит ветер. Это будет самое пушистое, самое тёплое снежное одеяло, которое только можно себе представить! Наш пух согреет его лучше любого шарфика!

Сёстры радостно зашумели, закружились и принялись за работу. Они не просто падали на землю. Они танцевали. Они создавали удивительные узоры, ложились ровным, плотным слоем на крышу домика Ёжика, на его стены, на окошко. Слой за слоем, миллиметр за миллиметром, они укрывали его жилище. Снег ложился не просто так — он укутывал домик Ёжика, словно заботливая мама укутывает своего ребёнка пуховым одеялом.

Внутри домика стало необыкновенно тихо. Ветер больше не завывал в щелях. Холод перестал пробираться сквозь корни. Стало не просто тепло, а очень уютно и спокойно. Ёжик, который всё ещё сидел на кровати, вдруг заметил, что плакать перехотелось. Его слёзы высохли, а в груди разлилось какое-то приятное, успокаивающее чувство.

— Странно, — прошептал он, прислушиваясь к себе. — Мне кажется, что кто-то меня обнимает. Кто-то большой и добрый.

Он выглянул в окошко. Солнце уже садилось за горизонт, и снег за окном сиял розовым и голубым светом. Он был таким красивым! Снежинки, закончив свою работу, всё ещё кружились в воздухе, словно прощаясь с Ёжиком.

— Спасибо, — прошептал Ёжик, хотя и не знал, кому именно он говорит. Но Снежинки слышали. Они засияли ярче, закружились быстрее и, оставив после себя только тихое мерцание, растворились в вечернем небе.

****Часть четвёртая. Белочка и её находка****

Но на этом чудеса не закончились. Как только снежинки улетели, Ёжик заметил на своём пороге какое-то движение. Кто-то маленький и шустрый прыгал по снегу. Это была Белочка

— рыжая, с пушистым хвостом, который был больше неё самой. Она была самой активной жительницей леса и всегда всё знала первой.

— Ёжик! — звонко крикнула она, постучав лапкой в дверь. — Ёжик, ты проснулся?! Мы думали, ты спишь до весны, а ты уже не спишь! И у тебя такой красивый дом! Кто это тебя так красиво снегом укутал?

Ёжик открыл дверь. Он смотрел на Белочку и чувствовал, как в его сердце разливается радость. Он не один! Кто-то пришёл!

— Привет, Белочка, — сказал он, немного смущаясь. — Я... я проснулся. И я очень расстроен. Я проспал все праздники. И Новый год прошёл. И теперь я не знаю, что делать. И вообще... мне холодно... и грустно...

— Грустно?! — воскликнула Белочка, всплеснув лапками. — Глупости! Новый год только начинается! У нас неделя каникул! Мы сегодня опять собираемся у большой ели. Все будут! И Лиса, и Волк, и Зайцы, и даже старый Барсук обещал прийти. Как ты мог подумать, что праздник прошёл?

Глаза Ёжика засияли. Но грусть всё ещё не совсем отпускала его.

— Но... но у меня даже нет тёплого шарфика, чтобы выйти на улицу, — прошептал он, опуская глаза. — Я никогда не гулял зимой. Я не знаю, что делают зимой. Я только хочу, чтобы мне было тепло...

— Ах, ты про шарфик, — Белочка хитро улыбнулась и почесала за ушком своей пушистой лапкой. — Это не проблема. Я как раз тебе кое-что принесла!

Белочка была не только шустрой, но и очень запасливой. Прошлой весной она нашла в лесу маленькую, детскую, вязаную варежку. Кто её потерял, она не знала — может быть, человек, а может быть, какой-нибудь лесной великан. Но варежка была очень мягкой, тёплой и красивой — синей, с белым снежинками, вывязанными на манжете. Белочка забрала её себе, чтобы утеплить своё дупло. Но сейчас она подумала, что Ёжику она нужна гораздо больше.

— Держи, — сказала она, вытаскивая из-за пазухи варежку и протягивая её Ёжику. — Это тебе! Она очень тёплая. Ты сможешь засунуть в неё свою лапку, когда пойдёшь гулять. И если ты наденёшь её поверх головы, она будет как шапка! А если нацепишь на хвост... ну, хвоста у тебя нет, но всё равно! Она согреет тебя!

Ёжик взял варежку. Она была мягкой, пушистой и пахла хвоей и почему-то мандаринами. Он прижал её к груди, и ему стало ещё теплее.

— Спасибо, Белочка, — сказал он, и его голос дрогнул от благодарности. — Но... я всё равно боюсь. А вдруг я замёрзну? Вдруг я не смогу дойти до ёлки?

— Глупый, — рассмеялась Белочка. — Ты же не один будешь идти. Мы все вместе пойдём. Я, и Заяц, и все-все. Мы будем тебя согревать. Мы будем бежать, прыгать, веселиться! Холодно не будет, обещаю!

Белочка подскочила к Ёжику, заглянула ему в глаза и протянула ему маленький, блестящий орешек. Это был её последний, самый лучший орешек, который она припасла к празднику. Она всегда думала, что съест его в новогоднюю ночь под ёлкой. Но сейчас она поняла, что подарить его Ёжику — гораздо важнее.

— И это тоже тебе, — сказала она. — Это волшебный орешек. Он приносит удачу. Я его для тебя берегла.

Она не врал. Она действительно берегла его для кого-то, кто будет в ней нуждаться. И вот этот кто-то нашёлся.

****Часть пятая. Чудо новогодней ночи****

Ёжик съел орешек. Он был необыкновенно вкусным — сладким, маслянистым, с вкусом волшебства. Он съел его, и в тот же миг почувствовал, как по его телу разливается сила и тепло. Он перестал дрожать. Он перестал бояться. Он посмотрел на варежку, на свой уютный домик, на Белочку, которая смотрела на него с надеждой, и понял, что на самом деле он не

одинок. Он понял, что забота, которую ему подарили, греет его сейчас гораздо сильнее, чем любой шерстяной шарфик на свете.

— Идём! — сказал он решительно. — Идём к ёлке. Я хочу увидеть Новый год!

И они пошли. Ёжик надел варежку на свою левую лапку, потому что правая была занята тем, что держала Белочку за хвост. Они шли по снегу, который хрустел у них под ногами. Сначала Ёжик боялся, что иголки будут цепляться за снег, но снежинки, которые покрыли землю, были такими мягкими и пушистыми, что он скользил по ним, как по воздуху.

По дороге к ним присоединились Зайцы. Два братца-зайца, серый и белый, они прыгали вокруг Ёжика и пели весёлые песенки. Они рассказывали, как они украшали ёлку, как вешали на неё ледяные сосульки и как старый Ворона принёс им из города серебряный дождик. Ёжик слушал и удивлялся. Ему казалось, что он попал в сказку. Мир вокруг был настолько красивым, что у него захватывало дух.

Наконец они дошли до поляны. В центре поляны стояла Она. Главная лесная Ёлка. Она была огромной, выше всех сосен, и вся сверкала и переливалась. На ветках висели ледяные сосульки, которые звенели от ветра, как хрустальные колокольчики. Кто-то повесил на неё разноцветные шишки, кто-то — ягоды рябины, а на самой макушке горела настоящая звезда, которая была сделана из двух соединённых берёзовых веточек.

Вокруг ёлки уже собрались все звери. Лиса, которая в этот раз была доброй и никого не хотела обижать, танцевала с Волком, который улыбался во всю свою зубастую пасть. Старый Барсук сидел на пеньке и пил чай из большой деревянной кружки. Сойки и Вороны сидели на верхних ветках и пели такие красивые песни, что даже снег, казалось, слушал их, затаив дыхание.

— Смотрите! — крикнул Заяц. — Ёжик пришёл! Он проснулся!

Все звери обернулись. На Ёжика смотрели с любовью и радостью. Они не ругали его за то, что он проспал. Они не говорили ему: «Какой ты соня!». Они просто подбегали к нему и обнимали его.

— Ёжик, привет! — кричали они. — Мы так рады, что ты к нам пришёл! Мы думали, ты не придёшь. Мы скучали по тебе!

И тут Ёжик понял, что он не просто не одинок. Он нужен. Он часть этого леса, часть этого праздника. Слёзы, которые он пролил утром, были забыты. На их месте появилась улыбка — такая широкая и искренняя, что она осветила всю поляну, даже ярче, чем звёзды на ёлке.

В ночи зажглись первые огоньки. Это были не электрические гирлянды — в лесу их никогда не было. Это были маленькие светлячки, которых разбудила Белочка, и они сели на каждую веточку ёлки, освещая её тёплым, живым светом.

И тут случилось то, чего Ёжик совсем не ожидал. Старый филин, сидевший на самой высокой сосне, прокричал:

— Внимание! Сейчас наступит Новый год! Приготовьтесь загадывать желания!

Все звери замолчали. Ёжик тоже зажмурился. Он хотел загадать самое заветное желание. Он хотел попросить у Нового года шарфик... но вдруг остановился. Он понял, что ему не нужен шарфик. Ему не нужно ничего, кроме того, что у него уже есть. Рядом с ним стояли его друзья. Белочка держала его за лапку. Зайцы улыбались ему. Лиса и Волк, забыв о своей вражде, стояли рядом и пели. И в этот момент, в самую полночь, Ёжик пожелал только одного: чтобы этот вечер никогда не кончался.

— С Новым годом! — закричали все хором.

И вокруг ёлки закружился хоровод. Ёжик, который никогда не танцевал, который даже не знал, как это делается, вдруг почувствовал, что его ноги сами пускаются в пляс. Он кружился вместе со всеми, его иголки весело топорщились, а варежка на лапке махала в такт музыке, которую пели сойки.

Ему приносили угощения всю ночь. Лиса принесла ему кусочек сушёной рыбки. Заяц — хрустящую морковку. Волк — ягодку клюквы. А Белочка принесла ему ещё один орешек, потому что у неё их было много. И каждый раз, когда кто-то протягивал ему угощение, Ёжик чувствовал, как его сердце наполняется теплом. Это было волшебное тепло, которое не тает. Оно греет всегда.

****Часть шестая. Самая важная истина****

Под утро, когда ёлка начала угасать, а светлячки устало замигали, Ёжик сел на пенёк и оглянулся. Лес спал. Друзья разошлись по домам, уставшие и счастливые. Но он не чувствовал усталости. Он чувствовал лёгкость.

Тогда он посмотрел на свой дом, видневшийся вдалеке, и увидел то самое снежное одеяло, которым его укутали Снежинки. Теперь он знал, кто это сделал. Это было первое чудо, которое случилось с ним в эту ночь. А второе чудо — это друзья, которые пришли к нему. Третье чудо — это варежка, которая была тёплой, даже когда он её не носил.

— Забота согревает лучше любого шарфика, — прошептал он вслух. — Я понял.

И он улыбнулся. Улыбнулся по-настоящему, без капли грусти. Он больше не боялся, что наступит лето, зима, или что он что-то проспит. Потому что он понял главное: друзья всегда придут на помощь, всегда согреют в трудную минуту. И для этого им не нужны волшебные фонарики или заклинания. Им нужно только твоё сердце и их доброта.

Ёжик забрался обратно в свой домик, который был всё ещё укрыт тем волшебным снежным одеялом, и лёг спать. Но теперь он спал с чувством глубочайшего счастья. Впервые в жизни он входил в новый год не один, а в кругу друзей, которые любили его, заботились о нём и готовы были прийти на помощь в любую минуту.

И пусть у него не было шарфика, это не имело никакого значения. Потому что самая тёплая вещь на свете не продаётся в магазинах и не вяжется на спицах. Она дарится от сердца к сердцу, согревает душу и остаётся с тобой навсегда.

Вот и вся сказка. О том, как важно быть рядом, как важно уметь слушать и слышать, и как иногда самая маленькая помощь может подарить самую большую радость. С Новым годом, Ёжик! И пусть все твои зимы будут тёплыми.

Старый будильник

****Часть первая. Дом на краю посёлка****

В самом конце тихой улочки, там, где заборы уже переходили в поле, а фонари горели реже и теплее, стоял старый деревянный дом. Он был похож на пряничный: с резными наличниками, зелёной крышей, на которой лежали пушистые шапки снега, и с маленькими окошками, которые смотрели на мир чуть прищуренно, словно подслеповатые глаза доброй старушки. В этом доме жила бабушка Мария. Её называли все просто — баба Маня.

Баба Маня была той самой бабушкой, у которой всегда пахло пирогами, даже если на плите ничего не стояло. Она знала все травы в округе, умела лечить простуду малиновым вареньем, а от сглаза — шёпотом, хотя сама говорила, что никакого сглаза нет, а есть просто доброе слово. У неё были мягкие, тёплые руки, которые пахли мятой и мёдом, и седые волосы, которые она всегда собирала в пучок на затылке. В этом доме выросли её дети, потом внуки, и сейчас, когда за окнами кружил декабрьский снег, она ждала самых дорогих гостей — своих внуков.

В доме было две комнаты, кухня и маленькие сени. Мебель здесь была старой, добротной, видавшей виды. На стенах висели вышитые рушники, на подоконниках — герань в горшочках, а в углу большой комнаты, на низеньком дубовом столике, стоял Он. Самый главный, самый старый и самый ворчливый житель этого дома. Старый будильник.

Этот будильник был не простым. Он появился здесь много-много лет назад, ещё до того, как родилась баба Маня. Его принёс её дедушка, когда они только переехали в этот дом. Будильник был сделан из тяжёлой, потемневшей от времени латуни. У него были две круглые, чуть выпуклые стеклянные дверцы, за которыми скрывался циферблат с римскими цифрами. Цифры были выведены такой изящной вязью, что казались не числами, а маленькими произведениями искусства. Стрелки — золотые, с изящными наконечниками — отсчитывали секунды с едва заметным, торжественным тиканьем. А позади циферблата прятался механизм: колёсики, пружинки, шестерёнки — целый маленький мир, который жил своей жизнью, пульсировал, дышал и считал время.

Но вот незадача. В последние несколько лет старый будильник почти не работал. Пружинка ослабла, колёсики закрипели, а звонок, который когда-то был таким громким и бодрым, что мог разбудить не только весь дом, но и соседей, теперь издавал только жалкий, дребезжащий хрип. Баба Маня перестала его заводить. Она купила себе маленькие электронные часы на батарейках, которые пищали по утрам тоненьким, противным голоском. А старый будильник поставили в угол на столик, где он стоял, пылился и тикал — совсем тихо, почти неслышно, будто тяжело вздыхал от обиды.

И у него была на это причина. Будильник, хоть и был сделан из металла и стекла, умел чувствовать. Нет, он не мог ходить или говорить, но он мог наблюдать, слышать и, самое главное, он мог помнить. Он помнил, как в этом доме было шумно и многолюдно. Как по утрам звенел его звонок, поднимая с кровати сначала бабу Маню, потом её детей, а потом и внуков. Он помнил, как его заводили бережные руки, как смазывали его шестерёнки машинным маслом и как благодарно гладили по стеклянной крышке. Он был центром вселенной этого дома. От его боя зависели завтраки, сборы в школу, уходы на работу и возвращения домой.

А теперь... Теперь он стоял в углу. Пыльный. Ненужный. Его стрелки застыли на цифре «4», и только маятник, самый нижний, золотой диск, ещё покачивался, но и то едва заметно, будто будильник пытался напомнить о себе, но сил уже не было.

— Старый я стал, никому не нужный, — ворчал он про себя (если можно так сказать про будильник) своими тихими тик-так. — Заменили меня. Выбросили бы, да рука не поднимается. Вот и стою здесь, как памятник. Считаю минуты, которые никому не нужны. Раньше я будил, вдохновлял, задавал ритм жизни. А теперь... только пыль глотаю.

Он смотрел, как бабушка ходит по дому, как она проверяет свои лекарства, как вздыхает, глядя в окно, и сердце его (если можно так сказать про часовой механизм) сжималось от тоски. Ему так хотелось помочь ей, хотелось снова быть полезным. Но пружина больше не слушалась, а звонок охрип навсегда. И он уже почти смирился с участью вечного молчаливого наблюдателя, как вдруг...

****Часть вторая. Приезд внуков****

Это случилось за два дня до Нового года. За окнами разыгралась настоящая метель. Снег валил огромными хлопьями, ветер завывал в печной трубе, и казалось, что весь мир превратился в одну сплошную белую пелену. Баба Маня стояла у окна, прижимая к груди платок, и волновалась.

— Как же они доедут? — шептала она. — Дороги-то все замело. А вдруг поезд отменят?

Старый будильник смотрел на неё из своего угла. Он тоже волновался. Он знал, что ждут внуков. Катю — старшую, серьёзную, которая уже училась в институте на врача, и Мишу — младшего, шустрого мальчика с вихрами, которому только что исполнилось десять лет. Будильник помнил их маленькими. Помнил, как Миша, будучи совсем крохой, подползал к столу и пытался дотянуться до блестящего маятника. Как Катя училась определять время по его циферблату. Как они заводили его по очереди, смеясь и споря, кто сделает это лучше.

И вот они приехали. Машина, которую прислал сосед дядя Коля, остановилась прямо у калитки. Из неё выскочили два укутанных по самые глаза человечка, радостно закричали и побежали к крыльцу, разбрасывая снег валенками.

— Бабушка! Мы приехали! — зазвенели их голоса.

Баба Маня распахнула дверь, и в дом ворвался морозный воздух, запах свежести и счастья. Внуки обнимали её, целовали в морщинистые щёки, снимали с неё шаль и вели к столу, чтобы она скорее села. А старый будильник смотрел на это и... замер. Нет, он не перестал тикать, но его механизм будто встрепенулся. Стрелки дёрнулись. Ему казалось, что вместе с этими детьми в дом вернулась жизнь. Вернулась та самая, настоящая, которой так не хватало.

Катя быстро освоилась. Она скинула пуховик, поправила очки, пригладила волосы и достала из рюкзака книгу по фармакологии.

— Бабушка, — сказала она строго, как настоящий доктор, хотя ей было всего двадцать лет. — Ты принимала лекарства, которые я тебе привозила осенью? По часам?

— Принимала, принимала, — отмахнулась баба Маня, но голос её прозвучал неуверенно. — Я не забываю.

— Ба, ну ты же знаешь, что таблетки от давления надо пить строго в одно и то же время. Утром и вечером. А ещё сердечные капли. Ты не путаешь?

Баба Маня вздохнула. Она действительно путалась. Иногда ей казалось, что она уже выпила таблетку, а на самом деле нет. Или наоборот, выпивала дважды, и тогда кружилась голова. Память уже не та, руки не те. Она махнула рукой.

— Ой, Катенька, да живу я ещё. Что там с моим давлением... Вот пироги лучше поешь!

Миша, тем временем, уже освоился в доме. Он пробежал по всем комнатам, заглянул на кухню, понюхал пироги, а потом его взгляд упал на столик в углу. Там, среди пыльных фигурок из папье-маше и старых фотографий, стоял будильник.

— Ого! — воскликнул Миша. — Какой классный! Бабушка, это настоящие старинные часы? Они работают?

— Эх, Мишенька, — грустно улыбнулась баба Маня, — работали когда-то. Дедушка твой, царство ему небесное, очень любил этот будильник. Он меня будил каждый день. А теперь сломался. Пылится в углу.

Миша подошёл поближе. Он наклонился и заглянул в стеклянное окошко. Будильник смотрел на него своими золотыми стрелками. Миша смотрел на будильник. И мальчику показалось, что он услышал... вздох. Очень тихий, почти неслышимый, но явственный вздох.

— Тик-так... тик-так... — слабо доносилось изнутри. — Кому я нужен...

— Не говори так, — прошептал Миша, сам не зная зачем. — Ты нужен.

Будильник дрогнул. Откуда мальчик знал, о чём он думает? Или он просто почувствовал? В любом случае, в этот момент между мальчиком и старым механизмом установилась какая-то невидимая связь.

В тот же вечер, когда бабушка ушла на кухню печь пироги, а Катя уткнулась в свои медицинские конспекты, Миша осторожно снял будильник со стола и принёс его в свою комнату. Там, под лампой, он начал его разглядывать. Будильник был грязным, на стекле осела пыль, а задняя крышка была чуть приоткрыта. Миша, который любил мастерить и разбирать старые вещи, понял: он должен это исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.